

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

Александр Ефимович
ИЗМАЙЛОВ

БАСНИ

© «Im-Werden-Verlag», 2002

© Подготовка текста и примечания В.П. Степанова и Н. Л. Степанова;
биографическая справка В.П. Степанова,

«Русская басня XVIII-XIX веков», Большая серия Библиотеки поэта, Л., 1977

<http://www.imwerden.de>
info@imwerden.de

СОДЕРЖАНИЕ

1. Умирающая Собака	4
2. Гора в родах	5
3. Совет Мышей	5
4. Волк и Журавль	6
5. Филин и Чиж	7
6. Устрица и двое прохожих	7
7. Горлица и Малиновка	8
8. Два человека и клад	9
9. Два осла	10
10. Гора в родах	11
11. Лестница	11
12. Слезы Кащея	11
13. Исправление	12
14. Пьяница	12
15. Два Красавца	13
16. Совесть Разбойника	14
17. Кащей и Лекарь	15
18. Купец Брюханов	17
19. Служанка	18
20. Лев и Лисица	19
21. Золотая струна	20
22. Макарьевнина уха	21
23. Лгун	21
24. Кулик-астроном	22
25. Слон и Собаки	23
26. Черный Кот	24
27. Две Козы	27
28. Скотское правосудие	28
29. Обманчивая наружность	29
30. Чиж и Стриж	30
31. Гордюшка-книгопродавец	31
32. Фонарь	34
33. Два крестьянина и облако	34
Примечания	35

1. УМИРАЮЩАЯ СОБАКА

Султанка старый занемог,
Султанка слег в постелю;
Лежит он день, лежит неделю,
Никто из медиков Султанке не помог,
Час от часу лишь только хуже:
Все ребра у него наруже,
Как в лихорадке он дрожит
И уж едва-едва визжит.
В конуре, у одра больного,
Соколка, внук его, стоял,
Не мог он вымолвить от жалости ни слова
И с нежностью его лизал.
Султанка на него взглянул и так сказал:
«Ну, видно, мой конец приходит:
Нельзя ни встать, ни сесть;
Душа из тела вон выходит...
А перед смертью как хотелось бы поесть!
Послушай, милый внук, что я тебе открою:
Две кости спрятал я, как был еще здоров;
Умру, ведь не возьму с собою.
Они вот там лежат, у дров;
Поди же, принеси их обе
И старика утешь,
Который скоро будет в гробе...
Да только сам, смотри, дорогою не ешь».
Как из лука стрела,
Соколка мой пустился,
В минуту воротился
И кости в целости принес.
Султанка тронут был до слез.
Ну, нюхать кости он, глодать уже не может;
Понюхал и промолвил так:
«Когда умру, пускай мой внучек это сгложет...
Однако же теперь не тронь ты их никак.
Кто знает? Может быть, опять здоров я буду;
Коль веку Бог продлит, тебя не позабуду:
Вот эту кость отдам тебе,
Большую же возьму себе.
Постой, что мне на ум приходит:
Есть славный у меня еще кусок один;
Я спрятал там его, куда никто не ходит.
Сказать ли? Нет, боюсь: ты съешь, собачий сын!
Ох, жаль!..» — и с словом сим Султанка умирает.

На что сокровища скупой весь век собирает?
Ни для себя, ни для других!
Несносна жизнь и смерть скупых.

2. ГОРА В РОДАХ

О чудо естества! о страх!
Гора, гора в родах!
Стонает, силится и огонь и пламя мещет!
Кипит пучина вод, дрожит столетний лес!
Вселенна целая от ужаса трепещет!
Ужель не видишь ты со высоты небес,
Всесильный Юпитер! что делается с нами?
Ах! что сия гора на свет произведет?
Чудовищ, каковы Титаны были сами?
И, может быть,
Олимп с землею пропадет?
Зло должно истреблять, едва лишь происходит,
Возьми скорей перун, моление услышь!..
Но вот расселась уж — и се из ней исходит...
Всесильны небеса! Ахти! Да это мышь.

(1806)

3. СОВЕТ МЫШЕЙ

В мучном амбаре
Кот такой удалый был,
Что менее недели
Мышей до сотни задавил;
Десяток или два кой-как уж уцелели
И спрятались в норах. Что делать? выйти — страх;
Не выходить — так смерти ждать голодной.
На лаврах отдыхал
Кот сытый и дородный.
Однажды вечером на кровлю он ушел,
Где милая ему назначила свиданье.
Слух до Мышей о том дошел;
Повыбрались из нор, открыли заседание
И стали рассуждать,
Какие меры им против Кота принять.
Одна Мышь умная, которая живала
С учеными на чердаках
И много книг переглодала,
Совет дала в таких словах:
«Сестрицы! отвратить грозящее нам бедство
Я нахожу одно лишь средство,
Простое самое. Оно в том состоит,
Чтоб нашему злодею,
Когда он спит,
Гремушку привязать на шею:
Далеко ль, близко ль Кот, всегда мы будем знать,

И не удастся нас врасплох ему поймать».
— «Прекрасно! Ах, прекрасно! —
Вскричали все единогласно.
Зачем откладывать? Как можно поскорей
Коту гремяшку мы привяжем, —
Уж то-то мы себя докажем!
Ай, славно! Не видать ему теперь Мышей
Так точно, как своих ушей!»
— «Всё очень хорошо; привязывать кто ж станет?»
— «Ну, ты». — «Благодарю!»
— «Так ты». — «Я посмотрю,
Как духа у тебя достанет!»
— «Однако ж надобно». — «Что долго толковать?
Кто сделал предложенье,
Тому и исполнять.
Ну, умница, свое нам покажи уменье».
И умница равно за это не взялась.
А для чего ж бы так?.. Да лапка затряслась!

Куда как, право, чудно!
Мы мастера учить других;
А если дело вдруг дойдет до нас самих,
То исполнять нам очень трудно.

1811

4. ВОЛК И ЖУРАВЛЬ

Волк костью как-то подавился.
Не мудрено: всегда есть торопился;
Кость стала в горле у него.
Прожора захрипел, стеснилось в нем дыханье,
Ну, словом, смерть пришла его,
И он хотел в грехах принести уж покаянье.
По счастью, Журавль тут мимо проходил.
Страдалец перед ним пасть жалобно разинул;
Журавль в нее свой нос предлинный опустил
И кость удачно вынул.
Волк вспрыгнул с радости, избавясь от беды.
«А что ж мне за труды?» —
Спросил носатый врач. «Ах ты неблагодарный! —
Волк с сердцем отвечал. — Да как просить ты смел?
Смотри какой нахальный!
Благодари за то, что нос остался цел».

<1812>

5. ФИЛИН И ЧИЖ

В лесу Соловушка зарей вечерней пел,
А Филин на сосне нахмурясь сидел
И укал что в нем было мочи,
Как часовой средь ночн.
«Пожалуй, дядюшка, голубчик, перестань, —
Сказал Чиж Филину, — ты Соловью мешаешь».
— «Молчи, дурак, молчи, ты ничего не знаешь.
Что Соловей твой? Дрянь!
Ну так ли в старину певали?
И так ли молодцы из нас теперь поют?»
— «Да кто же? Соловья мы лучше не слышали,
Ему здесь первенство все птицы отдают».
— «Неправда! Он поет негодно, вяло, грубо,
А хвалит кто его, несет тот сущий бред.
Вот Ворон, мой сосед,
Когда закаркает, то, право, сердцу любо!
Изряден также черный Грач:
Хоть мал, а свил гнездо под крышкой храма славы!
Кукушкин на кладбище плач
Нам тоже делает забавы.
Но Сыч! Вот из певцов певец!
Его брать должно в образец:
Кричит без умолку, прекрасно!
Скажу пред всеми беспристрастно,
Что нет здесь равного Сычу...
Зато я сам его учу!»

1811

6. УСТРИЦА И ДВОЕ ПРОХОЖИХ

Шли два прохожие по берегу морскому
И видят — устрица большая на песке
Лежит от них невдалеке.
«Смотри, вон устрица!» — сказал один другому,
А тот нагнулся уж и руку протянул.
Товарищ тут его толкнул
И говорит: «Пожалуй, не трудися,
Я подыму и сам, ведь устрица моя».
— «Да, как бы не твоя!»
— «Я указал тебе...» — «Что ты? Перекрестися!»
— «Конечно, первый я увидел...» — «Вот те раз!
И у меня остер, брат, глаз».
— «Пусть видел ты, а я так даже слышал носом».
Еще у них продлился б спор,
Когда б не подоспел судья к ним Миротвор.
Он начал с важностью по форме суд допросом,

Взял устрицу, открыл —
И проглотил.
«Ну, слушайте, — сказал, — теперь определенье:
По раковине вам дается во владенье;
Ступайте с миром по домам».

Все тяжбы выгодны лишь стряпчим да судьям!

Март 1813

7. ГОРЛИЦА И МАЛИНОВКА

«Позволь сказать тебе, сестрица: ты чудна, —
Так Горлица одна Малиновке-певице говорила, —
Ты никого еще в лесу не полюбила.
Что ты монахиней живешь
И только от утра до вечера поешь?
Хоть петь и весело, а, право, веселее
Весною жить сам-друг.
Ах, поцелуй один всех песен мне милее!
Послушайся меня, мой друг:
Жить надобно для наслажденья;
Возьми любовника». — «Спасибо за совет, —
Сказала скромно ей Малиновка в ответ. —
Мне скучно быть без упражненья,
Я быть свободною хочу
И счастлива сама собою». —
— «Прощай же, Бог с тобою!
Пой на просторе ты, я к Голубку лечу». —
При сих словах они расстались
И долго, долго не встречались;
Но наконец, лет через пять,
Увиделись опять.
Кокетка Горлица уж очень устарела,
Потух в глазах огонь, чуть ноги волокла.
Малиновка с трудом узнать ее могла.
«А, здравствуй, милая! Что так ты похудела? —
Спросила у нее она. —
С дружкой ты здесь или одна?» —
— «Одна, — ей
Горлица со вздохом отвечала. —
Ты видишь, какова я стала!
Кому теперь меня любить?
Мне платят за любовь лишь смехом да презреньем.
Куда несносно старой быть». —
— «А мне так песни утешеньем
На старости моей», —
Малиновка сказала ей.

«Неужли и теперь ты петь не перестала?»
— «Я спала с голоса давно,
Но слуха я не потеряла;
Так слушаю других, а это всё равно».

О, как полезны нам искусства и науки!
Счастлив, кто в юности к занятиям привык:
И в самой старости не чувствует он скуки.
Пусть, сил лишась, старик
Не может более с успехом сам трудиться,
Но дарованием чужим он веселится.

Июнь 1813

8. ДВА ЧЕЛОВЕКА И КЛАД

Бедняк, которому наскучило поститься
И нужду крайнюю всегда во всем терпеть,
Задумал удавиться.
От голода еще ведь хуже умереть!
Избушку ветхую, пустую
Для места казни он поблизости избрал
И, петлю укрепив вокруг гвоздя глухую,
Вколачивать лишь в стену стал,
Как вдруг из потолка, карниза и панели
Червонцы на пол полетели.
И молоток из рук к червонцам полетел!
Бедняк вздрогнул, остолбенел,
Протер глаза, перекрестился
И деньги подбирать пустился.
Он второпях уж не считал,
А просто так, без счета,
В карманы, в сапоги, за пазуху наклал.
Пропала у него давиться тут охота,
И с деньгами бедняжка мой
Без памяти бежал домой.
Лишь он отсюда удалился,
Хозяин золота явился.
Он всякий день свою казну ревизовал;
Увидя ж в кладовой большое разрушенье
И всех своих родных червонцев похищенье,
Всплеснул руками и упал, —
Лежал минуты две, не говоря ни слова;
Потом как бешеный вскочил
И петлю себя с досады удавил,
А петля, к счастью, была уже готова.
И это выгода большая для скупого,
Что он веревки не купил!

Вот так-то иногда не знаешь,
Где что найдешь, где потеряешь;
Но впрочем, верно то: скупой как ни живет
Спокойно не умрет.

15 декабря 1814

9. ДВА ОСЛА

Шли два Осла дорогою одной
И рассуждали меж собой
О политических и о других предметах
(Они уж оба были в летах).
«Что, братец? — говорит один. —
Как может мнимый наш, бесхвостый господин —
Ну, знаешь, человек — ругаться так над нами?
В насмешку он зовет ослами —
Кого же? — самых уж безмозглых дураков!
А, право, у людей не много есть голов,
Какие у ослов!»
— «И ведомо! Да вот, без лести,
Каков ты, например, у них такого нет.
Гордился бы тобой Парламент иль Совет». —
«Помилуй, много чести!»
— «Нет, нет, что чувствую, то я и говорю.
Конечно, от тебя не скрою,
И я иного члена стою;
Но что же я перед тобою?
Советовал бы я Льву, нашему царю,
Чтоб воспитать тебе наследника дал трона:
Ты, без пристрастия, умнее Фекелона.
Не поленись, любезный брат,
О воспитании нам сочинить трактат».
— «То правда, я имею знания,
Пригодные для воспитанья,
Но не имею остроты
И красноречия, как ты».
— «Э! шутишь! А твое похвальное-то слово
Ослицам!.. Лучше бы я сам не написал!»
— «Другое у меня еще теперь готово;
Изволь, прочту тебе». О, чорт бы их побрал!
Друг дружку до того хвалили,
Что после и у всех ослов в почтеньи были.

Нет легче ничего, как нравиться глупцам:
Хвали их, и они равно тебя похвалят,
Притом и в нужде не оставят.
Где много дураков, житье там подлецам.

25 июня 1815

10. ГОРА В РОДАХ

Родами мучилась гора;
Земля вокруг дрожала.
Бедняжка простонала
С полудни до утра;
Расселась наконец — и родила мышонка!

Но это старая, все знают, побасенка,
А вот я быль скажу: один поэт писал
Не день, не два, а целый месяц сряду,
Чернил себя, крестил, марал;
Потом, друзей созвав, пред ними прочитал...
Шараду.

30 июня 1815

11. ЛЕСТНИЦА

Стояла лестница однажды у стены.
Хотя ступени все между собой равны,
Но верхняя ступень пред нижними гордилась.
Шел мимо человек, на лестницу взглянул,
Схватил ее, перевернул —
И верхняя ступень внизу уж очутилась.

Так человек иной на вышине стоит,
Гордится — и глядишь: как раз наниз слетит.
Возьмем в пример Наполеона:
Как сатана с небес, так он слетел со трона.

19 июля 1815

12. СЛЕЗЫ КАЩЕЯ

Не знаю точно кто, а проповедник славный,
Платон, Леванда ли иль кто-то, с ними равный,
Однажды в пост великий говорил
О милостыне поученье
И слушателей всех привел во умиление.
Кашей у кафедры стоял и слезы лил.
Знакомый у него спросил:
«Да что за удивленье?
Ты плачешь, кажется?» — «Как слез не проливать!
Я эту проповедь вовек не позабуду».
— «Что ж, станешь ли убогим подавать?»
— «Нет, милостыню сам просить теперь я буду».

13 апреля 1816

13. ИСПРАВЛЕНИЕ

Бездушин прежде пил, играл,
И женщин и мужчин, как дьявол, соблазнял;
Ни чести, ни родства, ни Бога он не знал;
Но вдруг потом переменялся:
Ходить прилежно в церковь стал
И в землю всё молился,
А дома Библию да Штиллинга читал.
Вот этим сатана ужасно огорчился,
И говорит ему он так: «Помилуй! ты ведь не дурак,
Не стыдно ли тебе с твоим умом молиться?
Поверь мне, в святости нималой пользы нет.
То ль дело веселиться!
Прими мой дружеский совет:
В объятия мои скорее возвратися
Ну полно, братец, не сердися;
Увидишь, буду как вперед служить тебе».
Бездушин улыбнулся
И сам сказал в себе:
«Пусть думает его, что я ума рехнулся.
Поддел я славно сатану!
А уж людей теперь, конечно, обману».

11 мая 1816

14. ПЬЯНИЦА

Пьянюшкин, отставной квартальный,
Советник титулярный,
Исправно насандалив нос,
В худой шинелишке, зимой, в большой мороз,
По улице шел утром и шатался.
Навстречу кум ему, майор Петров, попался.
«Мое почтение!» — «А, здравствуй, Емельян
Архипович! да ты, брат, видно,
Уже позавтракал! Ну как тебе не стыдно?
Еще обедень нет, а ты как стелька пьян!»
— «Ах! виноват, мой благодетель!
Ведь с горя, мой отец!» — «Так с горя-то и пить?»
— «Да как же быть!
Вот Бог вам, Алексей Иванович, свидетель:
Есть нечего, все дети босиком,
Жену оставил я с одним лишь пятаком.
Где взять? Давно уже без места я, несчастный!
Сгубил меня разбойник пристав частный!
Я до отставки не пивал:
Спросите, скажет весь квартал.
Теперь же с горя как напыюся,
То будто бы развеселюся».

— «Не пей, так я тебе охотно помогу».
— «В рот не возьму, ей Богу, не солгу;
Господь порукою!..» — «Ну, полно, не божися,
Вот крестникам снеси полсотенки рублей».
— «Отец!.. дай ручку!..» — «Ну, поди домой, проспися,
Да чур, смотри, вперед не пей».
Летит Пьянюшкин наш, отколь взялися ноги,
И чуть-чуть не упал раз пять среди дороги;
Летит... домой? — О нет! — Неужели в кабак?
Да, как бы вам не так!
В трактир, а не в кабак зашел, чтобы промена
С бумажки беленькой напрасно не платить,
Спросил ветчинки там и хрена,
Немножко так перехватить,
Да рюмку водочки, потом бутылку пива,
А после пуншику стакан,
Другой... и наконец — о диво! —
Пьянюшкин напился уже мертвецки пьян.
К несчастью, еще в трактире он подрался,
А с кем? за что? — и сам того не знал;
На лестнице споткнулся и упал
И весь, как чорт, в грязи, в крови перемарался.
Вот вечером его по улице ведут
Два воина осанки важной,
С секирами, в броне сермяжной.
Толпа кругом. И кум, где ни возьмися, тут.
Увидел, изумился,
Пожал плечами и спросил:
«Что, верно, с горя ты, бедняк, опять напился?»
— «За здоровье твое от радости я пил!»

У пьяницы всегда есть радость или горе,
Всегда есть случай пьяным быть;
Закается лишь только пить,
Да и напьется вскоре.
Однако надобно, чтоб больше пил народ:
Хоть людям вред, зато откупщикам доход.

16 мая 1816

15. ДВА КРАСАВЦА

Приехал в Ярославль валдайский дворянин,
Пригожий очень господин,
Красавец: волосы имел он золотые,
Природой в кудри завитые,
И ими так, как Феб, сиял,
Лишь только что не сожигал;
Лицо широкое в коричневых всё мушках,

Иль, попросту сказать, в веснушках;
Глаза сафирные, но только без бровей;
Нос длинный, с маленькой на кончике прибавкой,
Багряной с вишню бородавкой;
Рот самый крошечный, едва не до ушей;
Кривые, на манер клыков слоновых, зубы
И как сафьянные подушки обе губы.
Вот он пошел в ряды обновы покупать, —
Все безобразные ведь любят щеголять, —
И видит в лавке там сидельца молодого,
Курносого, рябого,
Такого, что пером не можно написать,
Ни в сказке рассказать.
Валдаец мой остановился
И, вздернув кверху нос,
Преважно делает ему такой вопрос:
«Не в Ярославле ль ты, голубчик мой, родился?» —
«На что вам? Так, сударь, я здешний мещанин».
— «Ты здешний? — подхватил со смехом дворянин.
Ну, правду говорят у нас, что ярославцы
В России первые красавцы
Подобного тебе на белом свете нет!
Позволь списать с себя портрет.
Что за это с меня попросишь?
Да истину скажи, не маску ли ты носишь?»
Сиделец ничего на то не отвечал,
С поклоном лишь ему он зеркало представил.
Увидя в нем себя, Нарцисс мой замолчал,
Как розан покраснел и дале путь направил.

Мы ближнего нимало не щадим:
В других пороки замечаем,
Других браним, пересмехаем —
А на себя не поглядим.

18 июня 1816

16. СОВЕСТЬ РАЗБОЙНИКА

Попа пред казнию
Разбойник попросил. Приходит поп.
Ему тот в ноги повалился
И прослезился:
«Простит ли Бог меня?» — он у него спросил.
«Покаяться тебе чистосердечно должно...
Ну, сколько душ ты потерял?» —
«Да как упомнить можно!
Я, право, не считал».
— «А что, посты, чай, соблюдал?»

— «Помилуй, батюшка! да разве я татарин,
Чтоб не соблюл поста?
Избави Бог! Я христианин;
Так стану ль мясом в пост сквернить свои уста!»

И не разбойники за грех большой считают
В пост оскоромиться, обедню прогулять;
А ближнего оклеветать,
Имение и с ним нередко жизнь отнять —
В достоинство еще и в честь себе вменяют.

7 октября 1816

17. КАЩЕЙ И ЛЕКАРЬ

Кашей не в шутку захворал,
Пять дней уж с сундука не сходит;
Не ест, не пьет и глаз почти не сводит;
Пришло невмочь, за лекарем послал.
Явился врач, ему лекарство прописал:
«Сейчас же, — говорит, — пошлите вы в аптеку».
— «А много ль денег дать велите человеку?»
— «Не знаю, право, что возьмут...
Ну, дайте двадцать пять, вам сдачи принесут»,
— «Что ж делать? Так и быть! Сейчас пошлю Ванюшку.
Иван, приподними ты у меня подушку;
Возьми, вот пять алтын!
Вот гривна!.. Кажется, дал лишний грош один.
Постой-ка: раз, два, три, четыре, пять — ну, верно!
Скорей с рецептом ты беги,
Да не зайди в кабак. Куда как это скверно!..
Не грязно на дворе, так скинь ты сапоги».
Разинул лекарь рот, как будто видел чудо;
Не верил он своим глазам, ушам.
«Вы поняли меня, — сказал он, — очень худо;
Пошлите двадцать пять рублей...» — «Не дам, не дам!
Как двадцать пять рублей! О, Господи мой, Боже!
Во сне ли я иль наяву?»
— «Здоровье ведь всего дороже».
— «Как двадцать пять рублей! За что?» — «Да за траву,
Микстуру, капли и пилюли».
— «Да полно, оживу ли
От этих я лекарств? Ведь я едва дышу;
За что же двадцать пять рублей терять напрасно!»
— «Хотя вы и больны опасно,
Не бойтесь: я еще кой-что вам пропишу
И, так сказать, из мертвых воскрешу,
Лишь только вы ко мне доверенность имейте
И денег не жалейте.

Я за свои труды полушки не хочу:
Вы бедный человек, без платы вас лечу,
А даром получать лекарство невозможно.
Вам подкреплять себя хорошей пищей должно;
Для супа рябчиков или цыплят купить,
И лучшее вино с водой отварной пить.
Возьмите вы себе рейнвейну иль лафиту,
Хоть в пять рублей...» — «Совсем нет аппетита!»
— «Придет. Пошлите ж двадцать пять...
Коль денег нет у вас, пожалуй, я достану».
— «Отец мой, за тебя молиться Богу стану».
— «Я вам служить сердечно рад.
Вот этот сундучок отдайте мне в заклад».
— «Да разве на полу больному мне валяться?»
— «Нет, я пришлю кровать:
На ней покойнее вам будет почивать.
Давайте-ка сундук, извольте приподняться.
Ты за извозчиком сходи теперь, Иван!»
— «Куда? Останься здесь, болван!..
Помилуйте!» — «Ну, выбирайте:
Лечитесь или умирайте».
— «Уж лучше так умру; оставьте вы меня».
— «Прощайте; не прожить вам дня.
Отца духовного позвать вы прикажите
И гроб получше закажите.
Уж не ударьте в грязь лицом,
Распорядите всё перед своим концом,
Чтоб после не было ни споров, ни тревоги.
В шесть лошадей возьмите дроги,
Покров богатый, балдахин...»
— «Не беспокойтесь, я не знатный господин;
Не для того копил всю жизнь свою именье,
Чтобы на мотовство пошло, на погребенье!
Могу я обойтись без этих пустяков».
— «Есть у меня собранье черепов,
Но нету черепа скупого;
Продайте мне свой труп, купить его готов;
Не сыщете купца другого».
— «Когда не шутите, то я себя продам».
— «Серьезно говорю». — «А много ли дадите?»
— «Ну, двадцать пять рублей я дам».
— «Нет, мало!» — «Сколько же хотите?»
— «По крайней мере сто». — «Как можно?
Пятьдесят».
— «Прибавьте». — «Шестьдесят
И ни копейки боле.
Поверьте, что другой вас даром не возьмет.
Простите!» — «Быть по вашей воле:
Давайте по рукам, да деньги наперед!»

29 декабря 1817

18. КУПЕЦ БРЮХАНОВ

Когда б я был богат, я всё бы спал да ел,
Еще бы пил — и так бы растолстел,
Чтоб скоро с Пробтером сравнялся.
Ничем бы уже я тогда не занимался:
Сидел бы и лежал;
Стихов бы даже не писал,
А только б прежние приятелям читал.
Однако чересчур быть толстым также худо.
В Москве я знал купца — осьмое, право, чудо!
Представьте, он в сажень почти был в вышину
И два аршина в ширину. Однажды из его кафтана,
Без спора, без хлопот,
Обил обойщик два дивана
И для жены еще украл тут на капот.
Ну, нечего сказать, мой Брюханов был диво!
А как тянул он пиво,
Как ел! Зато не мог ходить
И заставлял себя по комнатам водить.
Держал он, по совету
Искусных докторов, престрогую диету,
Пускал и кровь — всё пользы нету.
Без ужина сыпал на жестком тюфяке
И, наконец, на голом сундуке.
В лице немного станет хуже;
Глядишь — а платье уже!
К несчастью, мой толстяк купец
Бездетный был вдовец.
Одни приказчики с ним жили,
И многие из них сродни ему хоть были,
Но в лавках у него и в доме все щечили.
Добра-то же, добра!
Ломилися шкапы от серебра.
Однако без смотренья
Дошел бы наконец совсем до разоренья:
Он счетов три года уже не поверял;
Так мудрено ль и весь утратить капитал?
Решился Брюханов жениться,
Не для того, чтобы наследников иметь,
А чтоб жена могла за домом приглядеть,
И перестал лечиться.
Когда есть деньги у кого,
Хоть будь урод, пойдут охотно за него.
Притом же не искал жених наш ни богатства,
Ни красного лица: искал себе жену
Для облегчения в заботах, для хозяйства;
И сваха честная нашла ему одну
Девуцу пожилую,
Лет под сорок такую,

Пресмирную, хозяйку дорогую:
Без арифметики по пальцам всё сочтет,
Крупинка у нее и та не пропадет;
Пример для всех купчих: тиха, скромна, учтива,
В компании важна и молчалива.
Нельзя пересказать, как Брюханов был рад,
Что Бог ему послал такой завидный клад.
Какое сделал он приданое невесте
И сколько подарил парчи ей, жемчугу,
Серег, перстней — всего припомнить не могу,
А свахе — сто рублей да лисью шубу в двести;
В три тысячи ему стал на другой день бал.
Лишь только молодой на нем не танцевал.
Вступила наконец в хозяйство молодая —
Пошла тут кутерьма такая,
Что Боже упаси,
Святых вон понеси!
С утра до вечера бранится и дерется,
А мужу бедному всех больше достается.
Как скажет что — беда; беда, коль и молчит.
Пропал сон у него, пропал и аппетит.
Прошло недели три, четыре —
Кафтан день ото дня становится всё шире;
Вот начал уже сам ходить:
Пойдешь и нехотя, как палкой станут бить.
Нашел в супруге он находку!
Куда девалась его вся толщина!
Как раз избавила его от ней жена —
Простыми средствами — и вогнала в чахотку:
Осталась через год лишь тень его одна!

От лишней тягости кто хочет свободиться,
Тому на злой жене советую жениться.

22-23 января 1818

19. СЛУЖАНКА

Беда некстати разболтаться!

В какой-то дом пришла
Служанка наниматься.
— «Скажи мне, душенька, где прежде ты жила?
Что делала? ..» — «Жила-с я у моста Тючкова,
У маклера Волчкова.
Женат, сударыня, на третьей он жене;
Дочь старшая меня немного помоложе;

Совсем почти уж сед, а приставал ко мне!
Бог знает что сулил, да честь всего дороже!
Я отошла. Потом жила у Покрова,
У Галкиной. Она вдова;
При флоте здесь служил ее муж комиссаром.
У ней жил мичман бедный... даром...
Племянник — по ее словам.
Уж правда или нет, о том судить не нам.
Хоть беден, но зато и молодец собою!
Ему осьмнадцать лет, а ей уж тридцать пять!
А как она ряба! худа! доска доскою!..
Изволила меня к нему приревновать!
У немца-доктора я после нанялася —
И тут не ужилася:
Муж мот, жена скупа.
Представьте: кофею мне даже не давала!
Да и сама какой пивала?
С цикорием! — Еще жила я у попа;
Немного пил старик; дочь у него невеста.
Скажу, что модница! Зато коса, глупа!..»
— «Прощай, голубушка, ищи другого места,
— «Помилуйте! Да чем я так противна вам?
Сшить, вымыть, выгладить умею,
Всё в доме сделать разумею,
И десять лишь рублей...» —
«Полушки я не дам»,
— «Да чем же так я несчастлива?
Чем не понравилась?» — *«Болтлива!»*

21-22 ноября 1818

20. ЛЕВ И ЛИСИЦА

И умному всего предвидеть невозможно;
Но ежели придет беда,
То в случае таком ума терять не должно:
С умом и от беды спасешься иногда.

Лисица от собак в пещеру забежала
И, Льва увидев там, присела, задрожала.
Потрясши гривую, разинув страшный зев:
«Добро пожаловать! — сказал с насмешкой Лев.
Пора уж, право, и обедать.
Хочу я твоего мясца теперь отведать».
— «О, правосудие небес! —
Вверх голову подняв, Лисица возопила. —
Так точно, правду ты, Зайчиха, говорила:
За грех родителей и детям мстит Зевес.

И я. .. за мать свою... казнь люту принимаю».
— «Что бредишь ты? Совсем тебя не понимаю».
— «О, государь! Прости мой справедливый страх;
Всё в кратких объясню словах.
В осеннюю однажды пору
К покойной матушке моей
Зайчиха от дождя зашла погреться в нору.
Грех дурно говорить о матери своей;
Но от тебя, монарх, я ничего не скрою
И, как пред Богом, пред тобою
Должна всю истину сказать:
Прожорлива была моя покойна мать.
Пришелицу она мгновенно растерзала.
Та, умираючи, сказала —
Не позабыть мне ввек ее последних слов,
Сказала: «Будет тот наказан от богов,
Гостеприимства кто законы нарушает
И странников в своем жилище умерщвляет, —
Погибнет он, и весь его погибнет род!»
И подлинно, чрез год
В норе, где мать моя Зайчиху умертвила,
Земля, обрушившись, убийду задавила».
Лев призадумался. «Пошла, — сказал, — пошла!
Дарю тебе живот». Лисица поклонилась
Его величеству и от него пустилась,
Как из лука стрела.

16 февраля 1819

21. ЗОЛОТАЯ СТРУНА

На лире порвалась струна;
Обыкновенная была она.
Вот навязали вмиг другую,
Однако не простую,
А золотую!
И лира начала блистать.
Но стали как на ней играть,
Не та уже была гармония, что прежде.

Коль именитому невежде
Стул в Академии дадут —
Чего ждать тут?

16 декабря 1821

22. МАКАРЬЕВНИНА УХА

Макарьевна уху сварила:
Десятка три ершей,
Налимов двух и двух лещей,
Со стерлядью большой в кастрюлю положила,
Да лучку, корешков — и соли не забыла.
Кондрата Козмича с хозяйкой пригласила
И дорогим гостям ушицу подает.
Отведали — но в душу им нейдет.
Что ж так? Проклятая, уху пересолила.

Иной остряк иль *баловень-пиит*
Уж так стихи свои пересолит,
Или, как говорят поэты-обезьяны:
Положит густо так *румьяны*,
Что смысла не видать.
Охота же кому бессмыслицу читать!

12 февраля 1823

23. ЛГУН

Павлушка *медный лоб* — приличное прозвание!—
Имел ко лжи большое дарованье;
Мне кажется, еще он в колыбели лгал!
Когда же с барином в Париже побывал
И через Лондон с ним в Россию возвратился,
Вот тут-то лгать пустился!
Однажды... ах, его лукавый побери!..
Однажды этот лгун бездушный
Рассказывал, что в Тюльери
Спускали шар воздушный.
«Представьте, — говорил, — как этот шар велик!
Клянуся честью, такого не бывало!
С Адмиралтайство!.. Что? нет, мало!
А делал кто его? — Мужик,
Наш русский маркитант, коломенский мясник,
Софрон Егорович Кулик,
Жена его Матрена
И Таня, маленькая дочь.
Случилось это летом в ночь,
В день именин Наполеона.
На шаре вышиты герб, вензель и корона.
Я *срисовал* — хотите? — покажу..
Но после... слушайте, что я теперь скажу:
На лодочку при шаре посадили
Пять тысяч человек стрелков

И музыку со всех полков.
Все лучшие тут виртуозы были.
Приехал Бонапарт, и заиграли марш.
Наполеон махнул рукою —
И вот Софрон Егорыч наш,
В кафтане бархатном, с предлинной бородою,
Как хватит топором —
Канат вмиг пополам; раздался ружей гром —
Шар в небе очутился
И вдруг весь газом осветился.
Народ кричит: «Diable! Vive Napoleon!
Bravo, monsieur Sophron!»*
Шар выше, выше всё — и за звездами скрылся...
А знаете ли, где спустился?
На берегу морском, в Кале!
Да, опускаясь к земле,
За сосну как-то зацепился
И на суку повис;
Но по веревкам все спустились тотчас вниз;
Шар только прорвался и больше не годился...
Каков же мужичок Кулик?»
— «Повесил бы тебя на сосну за язык, —
Сказал один старик. —
Ну, Павел, исполать! Как ты людей морочишь!
Обманывал бы ты в Париже дураков,
Не земляков.
Смотри, брат, на кого наскочишь!..
Как шар-то был велик?»
— «Свидетелей тебе представлю, если хочешь:
В объеме будет... с полверсты».
— «Ну как же прицепил его на сосну ты?
За олухов, что ль, нас считаешь?
Прямой ты *медный лоб*. Ни крошки нет стыда!»
— «Э! полно, миленькой, неужели не знаешь,
Что *надобно прикрасить иногда*».

15 сентября 1823

24. КУЛИК-АСТРОНОМ

«Кулик велик! Кулик
Велик! Кулик велик!»
Так хрюкала в лесу Свинья, или Веприца,
Большая мастерица
И врать
И жрать.
— «Да полно же тебе! — сказала ей Лисица.
— Что клеплешь ты на Кулика?»

* Чорт возьми! Да здравствует Наполеон! Bravo, господин Софрон! (франц.) — *Ред.*

Чем эта птица велика?
Лишь только нос большой, как у кастрюли ручка;
А сам он что за штучка!
Ты, видно, спятила, Хавроньюшка, с ума».
— «Ах ты, безбожница-кума!
Да знаешь ли, Кулик мой *гений-самоучка*
Великий астроном!
Что перед ним мясник коломенский Пахом!
Кулик мой, по своей охоте,
Весь день и ночь всё на болоте...»
— «А что же делает он там?»
— «На кочку с кочки он, мой миленький, летает
И звезды носиком считает;
А астрономии ведь выучился сам,
Не зная грамоте, и по одним звездам
Всё, всё тебе расскажет
И, что где есть, покажет.
Однажды указал мне кучу желудей...»

Есть свиньи из людей,
Которые невежд хвалами превозносит»
Да за это у них чего-нибудь и просят.

22 февраля 1824

25. СЛОН И СОБАКИ

Брылан, задорный беглый пес,
С большой Свиньей схватился,
Возился с ней в грязи, возился,
Свиною кровью обагрился,
Всю Свинью искусал, прогнал и... поднял нос.
«Знай, наши каковы кусаки! —
Сказал он ей. — И век Брылана поминай!»
Возрадовались все его друзья, собаки.
«Ай! ай! — Визжит, вертя хвостом,
Брех, пудель сухощавый.
Покрывл себя, Брылан, ты славой!
Ай, ученик! Ай, друг!
Прославил ты наш круг!»
— Ай, ай! Брылан! ай! ай! — кричат тут и щенята.
— Хвала, свиной герой!» — «Послушайте, ребята! —
Брылан преважно возгласил. —
Чуть-чуть я у Свиньи хвоста не откусил.
Когда же сладил со Свиньею,
Примусь и за Слона.
Ну что, в родню хоть толст,
Да не в родню, быть может, прост.
Друзья! за мной!
Я знаю, Слон идет теперь на водопой.

Марш на Волынский двор!»
За ним все побежали...
Увидели Слона, смешались, задрожали,
Попятились. «Стой, толстый, стой! —
Кричит Брылан. —
Как смел обидеть ты дворняжку?»
— «Какую?» — «Завиращку!»
Проси прощения; не то, брат, на дуэль.
Заставлю пролежать в сарае пять недель».
— «Да отвяжись, чего ты хочешь?
Не прыгай высоко, ведь на клыки наскочишь».
— «Что пред дворняжкой ты виноват, скажи,
И всюю правдою в неправдах нам служи:
Велим ли проучить кого, так размозжи;
Кого лизать — лижи».
— «Лизать?» — Вот Слон тут осердился,
Брылана хоботом схватил,
Через решетку вмиг его в канал спустил,
И где же? — в полынье, каналья, очутился!..
А Пудель? .. На язык хотя он и остер,
Но немец так хитер,
И совестней притом: нет, он не горячился
И впереди щенят бежать назад пустился.

Хоть как собака ни сильна,
Но где ей укусить Слона!
Беда, когда дойдет до драки;
Не трогайте ж Слонов, Собаки!

2 апреля 1824

26. ЧЕРНЫЙ КОТ

Посв (ящается) А. Я. Н.

Вы любите кота?
Любите: он ведь сирота,
Малюткой вам еще достался;
Кто подарил его, тот с жизнью расстался.
Отличен всем ваш кот: умом и красотой,
Пленяет взоры он своею пестротой.
Какая белизна с блестящей чернотой!
Гордяся быть у вас слугою,
Как важно спину он сгибает вверх дугою
И, ластая вокруг вас, *мурлычет и ворчит.*
Как мил, когда против дивана,
Свернувшись клубком, он на шкафу лежит
И, шейку приподняв, по временам глядит,
Как госпожа его сидит
За нотами у фортепьяна;
Огонь блестит в его глазах;

Игрою вашей очарован,
Лежит, как будто бы прикован,
Не думает и о мышах.
Да ест ли он мышей?..
Он вами избалован;
Шерсть лоснится — так он жирен.
А, нечего сказать, прекрасен и умен!
— Коты и все умны, но только лицемеры.
Я знаю многие примеры.
Сказать ли сказку вам про черного кота,
Который уж в преклонные лета
В молоденькую мышь влюбился
И чуть-чуть жизни не лишился?..
Кот этот был злодей;
В амбарах, в погребах его все трепетали
И усачом его, Арабом называли;
Жестокосердием превосходил судей
В республиках во время бунта —
Хотя говядины ел каждый день полфунта,
Но всё мышей, и крыс, и воробьев ловил,
Ловил — да и давил. Однажды
Мышку он увидел молодую,
Такую
Прелестную, какой ни раз не видал, —
Увидел — изумился,
Глазами засверкал
И по уши в нее влюбился
На старости мой черный Кот.
Подвластны все любви — и человек и скот.
Хотел Кот броситься пред Мышкой на колени,
Но та бегом, бегом из комнаты да в сени
И в норку юрк. Простерся Кот перед норкою,
Лежит гора горою.
«Виновница моих смертельных мук! —
Он мышке говорит, вздыхая
И лапу в нору запуская. —
Люблю, люблю тебя — дай на себя взглянуть...
Я честный кот, все кошки это скажут,
И боги пусть меня накажут,
Коль я хочу...» — «Я не хочу! —
Из норки Мышь кричит Арабу-усачу. —
Ну не хочу и не хочу!»
Поджавши хвост, повеся вниз головку,
Пошел Кот бедный прочь;
Опять пришел назад, провел у норки ночь;
Не только говорил — и плакал; но плутовку
Никак не мог он убедить,
Чтоб вышла, показала глазки;
Напрасно было всё, как слезы, так и ласки.
Решился наконец ее он подарить
И говорит: «Послушай,

Вот, милая, тебе ветчинный свежий жир,
Голландский лучший сыр,
Конфеты... Я уйду, ты без меня покушай».
Сказал, дары свои у норки положил,
Вздыхнул и скрылся.
Назавтра Кот опять с гостинцами явился,
И с месяц каждый день к жестокой он ходил,
Чего он ей ни говорил,
Чего, чего ни приносил,
Но тщетно всё — любить его
Мышь не хотела,
Или хотела, да не смела.
А Кот
Совсем уж стал не тот:
Разбоем он не занимался,
По крышам, чердакам, амбарам не таскался,
Мышей и крыс не ел,
Ужасно похудел,
Чуть я ноги волочил и так, как тень, шатался.
К возлюбленной его о том дошла молва.
Неопытная удивилась;
От жалости едва-едва
Она не прослезилась;
Но на свидание с зубастым не решилась,
Хотя и слышала, что скоро он умрет.
Вот наконец приходит к норке Кот. —
Чуть дышит! В чем душа! Совсем доска доскою!
«В последний раз тебя, мой свет, я беспокою, —
Так говорит губитель прежний крыс. —
Ты на меня не осердись —
Грешно и на врагов пред смертью их сердиться, —
Пришел с тобою я проститься.
Что делать, если я любимым быть не мог;
По крайней мере я умру теперь у ног
Твоих... Прости!..» — С сим словом протянулся.
Лежит час, два — не смеет идохнуть.
Вот Мышке вздумалось на мертвеца взглянуть;
Из норки выползла... поближе... Кот очнулся,
Как тигр на бедную прыгнул,
Когтями так ее давнул,
Что только пикнула — *и поминай как звали.*
С отчаянья, с печали
Не знал, что делать, Кот.
Вот Мышку в зубы он берет, и
Потом перед собой кладет...
— Глядит, как сибарит на статую Венеры;
Глядел, глядел,
Да всю и съел, —
Опять стал есть мышей, опять он растолстел.
Всего противней мне Тартюфы-лицемеры!

О, как бы я был рад,
Когда бы поскорей они попали в ад!

1824

27. ДВЕ КОЗЫ

По жердочке чрез ров шла чопорно Коза,
Навстречу ей другая.
— «Ах, дерзкая какая!
Где у тебя глаза?
Не видишь разве ты, что пред тобою дама?
Посторонись!»
— «Направо кругом обернись
Сама, а я упряма... Да почему ты дама?
Такая же коза, как я».
— «Как ты? Ты чья? Ты шустера Абрама,
А я исправница! Исправник барин мой! Майор!» —
«Так что ж? И мой осьмого также класса;
Честнее твоего драбанта Брамербаса,
Да поумней, чем твой.
Абрам Самойлыч Блут, штаб-лекарь,
Всем лекарям у нас в губернии пример:
Он оператор, акушер;
Им не нахвалится аптекарь.
А твой Исправник-то головкой очень слаб,
В делах он знает меньше баб;
Лишь мастер драться с мужиками,
Дерет с них кожу он обеими руками.
Неправду, что ли, говорю?
Пойдем к секретарю,
Иль к стряпчему; спроси». — «Вот я ж тебя рогами».
— «Есть роги и у нас; бодаемся мы сами».
Сошлись, нагнувшись, и стукнулись лбами;
Летит исправница, штаб-лекарша летит,
Летят вниз обе вверх ногами.
Ров преглубокий был; на дне лежал гранит,
Бух Козы об него, и поминай как звали!
Вороны с галками тут долго пировали,

Пустая, право, честь
Вперед идти иль выше сесть.
Что до меня, так я, ей Богу,
Дам всякому скоту дорогу.
Признаться, я ведь трус:
Скотов и женщин злых особенно боюсь.

30 августа — 2 сентября 1828

28. СКОТСКОЕ ПРАВОСУДИЕ

*Не бойся, говорят, суда,
А бойся вот судьи.*
И то беда:
Как секретарь доложит,
Так и судья плохой положит.
Напорют целую тетрадь,
Пропишут, спутают, завяжут,
И грамотному не понять,
А настоящего и главного не скажут.
Лев сделал приставом Собаку при Овцах;
Волкам Собака страх.
Один из них хотел
Ягненком поживиться,
Схватил его и в лес понес;
Но нагнал вора верный пес,
И должен был Волк ужина лишиться
Да клоком шерсти поплатиться.
Волк с жалобой в суд идет —
Осел там был судья, а секретарь Лисица,
Докладывать большая мастерица, —
Гусенка на поклон секретарю несет.
Доклад Лисица подает:
От слова до слова прошение прописала,
Законы подвела,
Но об Ягненке не сказала,
И как сказать? Она при деле не была.
И вот, без всяких справок
И без очных, как должно, ставок,
Последовал журнал, что «в силу скотских прав
За оскорбленье Волчьей чести
И вырванье с *азартом* шерсти
Взыскать с Собаки должно штраф,
Бесчестье и увечье;
А стадо всё овечье
Просителю *на время* поручить.
Собаку же от места удалить,
Для соблюдения пользы *Львиной*».
Что делает доклад Лисы и суд Ослиный,
Особенно в дали, в глуши!
По дудке их там и пляши.

<1829>

29. ОБМАНЧИВАЯ НАРУЖНОСТЬ

Приятель у меня старик проказник был;
Богатый человек, почти и не служил —
Отставлен с крестиком. В Москве он мало жил,
А более в своей любимой подмосковной;
Имел там дом огромный,
Большой фруктовый сад,
И английский еще, иль парк-оранжереи,
В которых рос отличный виноград,
Зверинец, свой оркестр и разные затеи:
Имел актеров крепостных,
Актрис, певиц, танцовщиц ловких,
Наемных трех французов бойких
Да сотни две собак и гончих и борзых.
Пять тысяч душ ему досталось в наследство,
Да долгу нажил миллион;
Так деньгами сорить мог он.
Его любило всё соседство.
И как же не любить?
Где всласть поесть, попить,
Повеселиться?
У Дурнева. А денег где занять,
Когда нужда случится? У Дурнева ж.
Расписку только дать,
Какую вздумает он сам продиктовать,
И на условия все тотчас согласиться.
Случалось, иногда брал туфли он в заклад,
Халат, кушак иль шапку, или миску;
А деньги возвратишь — отдаст тебе расписку,
Залог и сумму всю назад.
К своим собакам звал соседских по билетам;
Рожденье праздновал любимых лошадей;
Дурачился, сказать уж правду, не по летам;
Но, впрочем, не был он в числе дурных людей
И делал иногда, что должно.
Проказничать богатым можно.
В деревне Дурнева когда я навестил,
Меня он славно угостил;
Музыка за столом гремела,
И первая певица пела.
Вот отобедали. «Что, не угодно ль в сад?»
— «О, рад!»
Пошли. Какой чудесный там каскад!
Какие мостики, беседки и руины!
Куда ни взглянешь, всё картины.
«А это что за храм? —
Вскричал я в изумленье,
Увидя с куполом, с колоннами строенье;

Уж подлинно сказать, что было загляденье! —
 Что там?
 Какое божество сей храм в себе скрывает?»
 — «Наружность иногда обманчива бывает,*
 И это, господин поэт, вам не во гнев,
 Не храм, а хлев!»
 — «Как хлев?» — «Войдите
 И поглядите»,
 Толкаю дверь, вхожу
 И с поросятами свиней тут нахожу.
 «Ну, видишь ли мои затей?
 Не все еще; в другом покое есть и змеи.
 Войди, увидишь сам, что правду говорю».
 — «Покорнейше благодарю...
 Повеса ты, повеса!
 Ну стоит ли, скажи, потратить столько леса,
 Искусства и труда
 Для змей и для свиней? Ужели нет стыда
 Тебе дурачиться в твои почтенны леты?»
 — «А ваша братья-то, поэты,
 Что делают? Не то ли ж, что и я?
 На что дар многие из вас употребляют!
 Цветы поэзии фигурно рассыпают,
 А под цветами глядь — или в грязи свинья,
 Иль ядовитая змея.
 Но свиньи у меня других хоть не марают,
 А змеи не кусают.
 Желаю знать, что б ты на это отвечал?»
 Я... промолчал.

<1829>

30. ЧИЖ И СТРИЖ

Гулял с женою муж в саду,
 И, на беду,
 Пред ними птичка пролетела
 И на рябину села.
 «Смотри, смотри, жена: вон Чиж!»
 — «Не Чиж, Иваныч, Стриж».
 — «О, вздор ты, дура, говоришь,
 Уж я сказал, что Чиж, так ты должна мне верить»,
 — «Вот хорошо! Не верь своим очам,
 А верь твоим речам».
 — «Я знаю, чем тебя уверить:
 За палкой не заставь сходить».

* Стих И. И. Дмитриева

— «Стриж! — стану всё я говорить.
Чижи зеленоваты,
Стрижи же черноваты
И длинноваты.
Слепой увидит: это стриж».
— «Молчи ж!» —
И хлоп жену по уху.
— «Разбойник! только пить сивуху
И бить жену. Пей, варвар, кровь мою,
А я за правду постою.
Стриж, а не Чиж!» Иваныч за сивуху
Еще дал плюху:
«Молчи». — «Не замолчу,
Не покорюся палачу.
Стриж, а не Чиж!» — И битва закипела.
Михевна уступить тирану не хотела,
Язвит его, чем в силах, языком,
А он так кулаком.
Кокошник на гряде свалился,
Иваныч мой остервенился,
Михевну за косу схватил
И сильною рукой в крапиву потащил.
На крик несчастной прибежали,
Но без десятских двух никак бы не отняли.
Калганиху-лекарку взяли!
Но знание ее, увы, не помогло!
Просили знахаря Вавилу —
Ничто Михевну не спасло:
От скверного стрижа пошла она в могилу.

Не спорь из пустяков
И не беси злых дураков;
Как язвы, ссоры удаляйся;
Но где потребует долг, совесть — не молчи
И говори, а не кричи,
Без сердца убедить старайся.

31. ГОРДЮШКА-КНИГОПРОДАВЕЦ

Был здесь давно один мерзавец
Гордюшка, плут-книгопродавец.
По честности и по уму
Вином бы торговать ему
В какой-нибудь корчме, и то не христианской —
В жидовской иль магометанской.
А походил он на жида!
Без совести и без стыда
На белый свет родился,
Рад удавиться и за грош;

А впрочем, всем он был хорош;
Немножко грамоте учился,
Мог двоеточие от точки отличить,
Мог объявление о книге сочинить,
Любил для барышей душой литературу,
В «Оракулах» держал всегда сам корректуру;
Ученых пьяниц он погодно нанимал
И компиляции в свет с ними издавал.
Жаль, не писал стихов Гордюшка!
Одна почтенная старушка
По смерти мужниной вдруг в нищету пришла;
Что было лишнее, кой-как распродала,
В ломбард иное заложила;
Одну лишь комнату топила —
Так берегла дрова
И деньги бедная вдова.
Занемоги она еще весной ненастной.
Как быть?
Лекарства не на что купить.
Но добрый лекарь частный
Старушке страждущей помог.
Да наградит его сам Бог!
А он всегда тех награждает,
Кто бедным вдовушкам охотно помогает.
Узнал торгаш Гордей,
Что после мужа есть шкаф целый книг у ней.
Вот он к больной приходит,
В постели бедную находит,
И говорит: «У вас, я слышал, книжки есть...
Хоть торга книгами не можно нынче весть...
От книг так плохи авантажи,
Что лучше продавать, поверьте, калачи...
Но на комиссию я взял бы для продажи;
Позвольте посмотреть». Дают ему ключи.
Вот шкаф он отпирает —
Шкап книгами набит.
Гордюшка их перебирает.
На титулы глядит,
Понюхает иную,
То улыбнется плут,
То рожу сделает такую,
Как будто долг с него берут.
Смотрел, глядел час целый;
В затылке почесал;
Потом с осанкой гордой, смелой
Презрительно сказал:
«Хоть счетом книг и много,
Но разобрать коль строго,
Так мало тут добра.
Ну что? «Деяния Петра»,

Да Ломоносова, Державина творенья,
И Дмитриева сочиненья,
Жуковского, Карамзина —
И только ведь из русских!»
— «А сколько, батюшка, зато здесь книг французских,
Латинских, греческих?» — «Да все ведь старина!
Расина, Буало, Корнеля всяк имеет;
По-гречески ж не всякий разумеет.
А, правду молвить, и латынь
Хоть кинь!
Народ наш деловой, торговый и воинский —
Начто же нам язык латинский?..
Однако, так и быть,
Рад все у вас купить,
Коль сходно отдадите.
Ну, много ли, сударыня, хотите?»
— «А сколько б дали вы?» — «Да что вас обижать?
Извольте: дам я... двадцать пять».
— «Как? Двадцать пять рублей? За все?.. Не грех вам это?»
— «Да рассудите: нынче лето;
А до зимы
Почти ведь не торгуем мы.
Не выручишь, ей Богу, и на лавку!»
— «Я лучше их сожгу! Как? Двадцать пять!» — «Жаль вас!
Извольте, так и быть, вдобавку
Еще пять рубликов, н деньги сей же час!»
— «Подите ж вон» — «Ну, десять я прибавлю.
Хотите тридцать пять?
И шкаф, пожалуй, вам оставлю
Да буду, матушка, вас вечно поминать».
Старушка рассердилась,
С Гордюшкой побранилась
И гонит плута вон.
Нейдет, однако, он,
Торгуется, клянется,
Что покупателя другого не найдется,
И наконец
За сотню книги все купил у ней, подлец!
Возрадовался мой Гордюшка,
Что им ограблена так бедная старушка.
А после на пятак взял рубль он барыша.
Куда ж пойдет душа
Такого торгаша?
В ад, разумеется, конечно!
По приказанью трех безжалостных сестер
Из книг, им проданных, там сделают костер,
И будет жариться он вечно.

32. ФОНАРЬ

Поставили на улице фонарь —
И уняли ночного вора.

Плут секретарь
Остерегается прямого прокурора.

То ль дело воровать впотьмах?
То ль дело командир, который не читает,
Не смыслит ничего в делах,
А подписью своей бумаги утверждает!
Хвала от всех воров, воришек — темноте,
Невежеству и глупой доброте.

33. ДВА КРЕСТЬЯНИНА И ОБЛАКО

«Смотри-ка, брат Антон! —
Соседу говорит крестьянин Агафон;
А сам весь побледнел и так, как лист, трясется. —
Смотри-ка, туча к нам несется!»
— «Так что ж?» — «Как что? Да град пойдет
И хлеб у нас побьет;
Всё пропадет
Озимое и яровое;
Голодный будет год, а там, гляди, и мор!..»
— «Пустое, брат сосед, пустое!
Какой несешь ты вздор!
Не град, а дождь пойдет: давно к дождю уж парит!
Вот каплет, кажется. Уж то-то хлеб поправит!
Мы уберем его и много продадим
Да браги наварим.
Гуляй и пей уже зимою!
Пусть дождь идет; я очень рад!»
— «Ну, посмотри, посыплет град!»
— «Нет, дождь пойдет». — «Град!» — «Дождь!
Не спорь же ты со мною».
— «Да что и спорить с дураком?»
Антон за это хватил соседа кулаком;
Тот в ухо сам его — и драка началась.
Ни град, ни дождь еще не идет,
А кровь из обоих уж льет!
Меж тем прочистилось, и туча пронеслася.

<1814>

А. Е. ИЗМАЙЛОВ

Александр Ефимович Измайлов (1779-1831) наряду с И. А. Крыловым и И. И. Дмитриевым являлся крупнейшим русским баснописцем XIX в. Начало его литературной биографии уходит в XVIII век. Уже в 1799-1801 гг. был напечатан нравственно-сатирический роман Измайлова «Евгений, или Пагубные следствия дурного воспитания и сообщества». Первые стихотворения Измайлова появились в «Санкт-петербургском журнале» И. П. Пнина, а в 1802 г. он стал членом «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств», позднейшая история которого оказалась теснейшим образом связана с именем Измайлова. В 1807 г. он был избран секретарем Общества, в 1812 г. редактировал издававшийся от имени Общества журнал «Санкт-петербургский вестник», в 1816 г. его усилиями деятельность Общества была возобновлена (неофициально по месту собраний в Михайловском дворце его в это время называли «Михайловским»), а сам он оставался бессменным председателем Общества до 1825 г., времени своего отъезда в Тверь. Измайлов представлял умеренную в общественно-политическом, но энергичную в литературном отношении часть членов Общества. Он был сотрудником всех его изданий, темпераментно участвовал во внутренней организационной борьбе, старался вовлечь сочленов в разгоравшуюся полемику шишковистов и карамзинистов. В 1809-1810 гг. Измайлов вместе с А. П. Бенитцким и П. А. Никольским издавал журнал «Цветник», предоставивший страницы для памфлетов Д. В. Дашкова и выступлений в защиту Карамзина. Сатирическими выходками против А. С. Шишкова и Д. И. Хвостова славился и сам Измайлов, вместе с К. Н. Батюшковым сочинивший известную пародию «Певец в Беседе любителей русского слова». Как баснописец Измайлов приобрел известность лишь по выходе своего первого сборника «Басни и сказки» (СПб., 1814), но басни он начал печатать много раньше, откликаясь на имевшие широкое распространение в Обществе воспитательно-просветительские идеи. Стихотворения этих лет позднее были радикально переработаны или отброшены Измайловым. Его настоящим призванием оказалась сатирическая басня. Измайлов пользовался в своем басенном творчестве широким кругом источников, французских (Лафонтен, Флориан) и немецких (Геллерт), строил басню на основе устного анекдота или в духе анекдота, обрабатывал случайные сюжеты. Сильной стороной его басен была разработка сюжета как конкретной бытовой ситуации со всеми красочными бытовыми подробностями. Так сложился специфически измайловский, «фламандский» стиль, позволивший современникам называть его «русским Теньером». «Басни и сказки» Измайлова непрерывно переиздавались при его жизни, постоянно пополняясь новыми произведениями (изд. 2 — СПб., 1816; изд. 4 — СПб., 1821; изд. 5 — СПб., 1826); третьим изданием сам автор считал сборник «Новые басни и сказки, также разные мелкие стихотворения» (СПб., 1817). Задуманное издание «Сочинений в стихах и прозе» не было доведено до конца; из печати вышли только прозаические произведения (ч. 1, СПб., 1826). Измайлов пытался также выступать в качестве теоретика басни и критика современных баснописцев; компилятивный «Опыт о рассказе басни» был им приложен к третьему, а «Разбор некоторых образцовых басен лучших российских фабулистов» к четвертому изданию собственных басен. Он широко привлекал баснописцев к участию в издаваемом им журнале «Благонамеренный» (1818—1826). Последние годы жизни поэта были омрачены материальными трудностями. В поисках лучше оплачиваемой службы он уезжает в Тверь, затем в Архангельск, но нигде не может ужиться с провинциальной бюрократией. Перед смертью он числился преподавателем словесности при Пажеском корпусе. О баснях Измайлова в кн.: «Поэты-радищевцы. Вольное общество любителей словесности, наук и художеств», «Б-ка поэта» (Б. с.), 1935 и «Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX века», «Б-ка поэта» (Б. с.), 1959.

1. «Любитель словесности», 1806, ч. 1, с. 167; Басни, 1814, с. 3. Печ. по Басни, 1826, ч. 1, с. 3. В ноябре 1804 г. басня была одобрена к печати цензором «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств» А. Х. Востоковым. В 1813 г. текст переработан автором. Использован сюжет басни Геллерта «Der Hund».

2. «Любитель словесности», 1806, ч. 2, с. 253. На сюжет басни Лафонтена «La montagne qui accouche», восходящий к трактату Горация «Искусство поэзии». Вторичную обработку Измайловым этого сюжета см. в № 10. Басня пародирует выпендренный стиль одической поэзии позднего классицизма.

3. СПбВ, 1812, № 1, с. 61. Печ. по Басни, 1826, ч. 1, с. 9. На сюжет басни Лафонтена «Conseil tenu par les rats».

4. СПбВ, 1812, № 3, с. 281. Печ. по Басни, 1826, ч. 1, с. 19. На сюжет басни Лафонтена «Le loup et la cigogne».

5. СПбВ, 1812, № 5, с. 165. Печ. по Басни, 1826, ч. 1, с. 13. Сюжет неоднократно обрабатывался русскими баснописцами. Связана с борьбой, начатой Измайловым против только что образовавшейся «Беседы любителей русского слова» и ее членов. *Филин* — организатор и духовный руководитель «Беседы» А. С. Шишков. *Ворон, мой сосед* — по-видимому, Д. И. Хвостов, живший недалеко от Шишкова, на Фурштатдтской улице в Литейной части. *Черный Грач* — П. Ю. Львов» (1770-1823), автор исторического сочинения «Храм славы российских героев от времен Гостомысла до царствования Романовых» (1803). В вариантах сатиры К. Н. Батюшкова «Певец в Беседе любителей русского слова», записанных рукой Измайлова (ПД), имеется стих «Хвала тебе, грач черный Львов». *Кукушка* — вероятно, П. И. Голенищев-Кутузов, переводчик мистической поэмы «Ночи» английского поэта Э. Юнга (1683-1765). *Сыч* — С. А. Ширинский-Шихматов (1783-1837), автор эпических поэм «Пожарский, Минин, Гермоген, или Спасенная Россия» и «Петр Великий»; он был любимым литературным учеником Шишкова. Д. И.

Хвостов полагал, что под *Соловьем* Измайлов подразумевал Н. М. Карамзина (см.: «Литературный архив», т. 1, М.-Л., 1938, с. 376). На самом деле смысл басни не сводится к спору о языке; скорее всего Измайлов имел в виду поэтическую практику молодых последователей Карамзина (В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова, В. Л. Пушкина и др.), с которыми он сближается в 1810-1812 гг.

6. «Пантеон русской поэзии», ч. 4, кн. 8, СПб., 1814, с. 231. Печ. по Басни, 1826, ч. 1, с. 56. На сюжет басни Лафонтена «L'huitre et les plaideurs».

7. СО, 1814, ч. 11, с. 156. Печ. по Басни, 1826, ч. 1, с. 23. В автографе басни (ГПБ) имеется относящееся к 1822 г. стихотворное посвящение басни А. Я. Есиповой и стихотворное заключение, отсутствующее в печатном тексте. Использован сюжет басни Флориана «La tourterelle et la fauvette».

8. СО, 1815, ч. 19, с. 23. Печ. по Басни, 1826, ч. 2, с. 17. На сюжет басни Лафонтена «Le tresor et les deux hommes».

9. ВЕ, 1815, ч. 82, с. 251. Печ. по Басни, 1826, ч. 1, с. 28. В первой публикации эпиграф из басни Лафонтена «Le lion, le singe et les deux anes»: «Ici-bas maint talent n'est que pure grimace Cabale, et certain art de se faire valoir Mieux su des ignorants que des gens de savoir» («Часто лишь уменье притворяться Таланты заменяет нам; Уменье то дано невеждам и глупцам», пер. А. Зарина). На сюжет басни Лафонтена «Le lion, le singe et les deux vies». Совет — Государственный Совет; Фенелон Фр. (1651-1715) — французский писатель; был наставником детей Людовика XIV; автор трактата «О воспитании девиц». Измайлов в басне высмеивает взаимные реверансы, которыми обменивались члены «Беседы». Тема «воспитания» могла метить как в Шишкова, который перевел и русифицировал «Детскую библиотеку» Кампе, так и в И. С. Захарова, сочинение которого «Похвала женам» читалось на заседаниях «Беседы» в 1811 г. *Притом и в нужде не оставят* — намек на покровительство по службе, которое оказывали сановные действительные члены «Беседы» начинающим писателям, числившимся членами-сотрудниками.

10. СО, 1815, ч. 23, с. 65. Печ. по Басни, 1825, ч. 1, с. 35. Другая обработка Измайловым этого же сюжета — см. № 2.

11. СО, 1815, ч. 23, с. 246. Печ. по Басни, 1826, ч. 1, с. 37. На сюжет басни французского поэта конца XVIII в. Ле Маршан де Ла Вьевилля «Les echelons». Басня является откликом на поражение Наполеона под Ватерлоо 18 июня 1815 г. и его вторичное отречение от престола 22 июня.

12. ВЕ, 1816, ч. 87, с. 13. Печ. по Басни, 1826, ч. 2, с. 30. На сюжет стих. французского поэта Виже (1768-1820) «L'interkt». Леван-да И. В. (1734-1814) — протоиерей, известный киевский проповедник.

13. ВЕ, 1816, ч. 89, с. 9. Печ. по Басни, 1826, ч. 2, с. 34. На сюжет эпиграммы французского поэта П.-Ш. Руа (1683-1764) «Le libertin vieilli». Возможно, басня намекает на А. Н. Голицына, с 1817 г. ставшего министром духовных дел и народного просвещения. В юности он был вольтерьянцем, любителем светских удовольствий, позднее превратился в гонителя вольнодумцев и официального покровителя мистицизма. Штиллинг — Юнг-Штиллинг И.-Г. (1740-1817), немецкий писатель-мистик.

14. СО, 1816, ч. 30, с. 66. Печ. по Басни, 1826, ч. 2, с. 38. Стих. «Пьяница» особенно способствовало укреплению репутации Измайлова как поэта «низкой» природы, писателя «не для дам», как он охарактеризован в «Доме сумасшедших» А. Ф. Воейкова. *Промена с бумажки беленькой напрасно не платить*. Имеется в виду плата, которая бралась за размен крупных купюр (здесь двадцатипятирублевая ассигнация, «беленькая»). *Два воина ... с секирами, в броне сермяжной* — караульные будочники, форменная одежда которых шилась из грубой сермяжной ткани, а оружием была секира на длинном древке. Приведенные стихи А. С. Пушкин использовал для характеристики будочника в повести «Гробовщик».

15. СО, 1817, ч. 38, с. 63. Печ. по Басни, 1826, ч. 2, с. 35. На сюжет басни французского поэта аббата Ж. Реира (1735-1812) «Les deux hommes laids». Басня читалась на заседании ВОЛСНиХ 22 февраля 1817 г.

16. Басни, 1817, с. 36. Печ. по Басни, 1826, ч. 2, с. 44. Басня читалась на заседании ВОЛСНиХ 10 мая 1817 г.

17. Бл, 1818, ч. 1, с. 18. Печ. по Басни, 1826, ч. 2, с. 48. Басня читалась на заседании ВОЛСНиХ 17 января 1818 г.

18. Бл, 1818, ч. 1, с. 192. Печ. по Басни, 1826, ч. 2, с. 52. К имени «Пробтер» имелось авторское примечание: «Ужаснейшей толщины англичанин, о котором Княжнин упоминает в послании от дяди Рыф-москрыпа племяннику». Измайлов имел в виду следующие стихи Я. Б. Княжнина: «О, ужас!.. толщиной он с Проптера казался, но спичкой стал, когда от драмы опростался». Басня читалась на заседании ВОЛСНиХ 31 января 1818 г. Сюжет близок к басне Геллерта «Der ungeratene Sohn», переведенной И. И. Хемницером под загл. «Усмирительный способ». Начальные стихи басни — пример автоиронии Измайлова: он отличался дородством и был большим любителем поесть.

19. Бл, 1819, ч. 5, с. 10. Печ. по Басни, 1826, ч. 2, с. 61. На сюжет басни французского баснописца Ж. Обера (1731-1814) «La servante». *Мост Тучков* — Тучков мост через Неву, соединяющий Петербургскую сторону и Васильевский остров в Петербурге.

20. Бл, 1819, ч. 5, с. 267. Печ. по Басни, 1826, ч. 1, с. 40. На сюжет басни французского баснописца Удара де Ла Мотта (1672-1731) «Le renard et le lion».

21. ПЗ на 1823 г., с. 289. Печ. по «Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX века», «Б-ка поэта» (Б. с.),

1959, с. 348, где басня воспроизведена по автографу (ГПБ). На сюжет басни французского поэта О. Патрю (1604-1681) «La corde d'ог». Первоначально басня, очевидно, имела в виду практику выборов в Российскую Академию, президентом которой был А. С. Шишков. Но публикация басни была приурочена Измайловым к инциденту в Академии художеств, конференц-секретарь которой, А. Ф. Лабзин, в заседании 13 сентября 1822 г. в ответ на предложение избрать почетным членом А. А. Аракчеева ввиду «близости» последнего к государю выдвинул также кандидатуру царского кучера Ильи, как человека еще более «близкого».

22. Бл, 1824, ч. 20, с. 356. Печ. по Басни, 1826, ч. 1, с. 74. Связана с полемикой литераторов круга «Благонамеренного» против «союза поэтов» (А. А. Дельвиг, В. К. Кюхельбекер, Е. А. Баратынский и др.). Курсивом выделена фразеология поэтов романтической школы, с которой вели последовательную борьбу Измайлов, Н. Ф. Остолопов, Б. М. Федоров. (См.: «Поэты 1820-1830-х годов», т. 1, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1972, с. 717-718.) Ср. басню Остолопова «Нерешительность». В 1823 г. Измайлов читал басню на заседании ВОЛСНиХ.

23. Бл, 1824, ч. 25, с. 50. Одновременно: ПЗ, на 1824 г., с. 192 (ц. р. 20 декабря 1823). Печ. по Басни, 1826, ч. 2, с. 765. Направлена против издателя журнала «Отечественные записки» П. П. Свинына, широко публиковавшего исторические материалы, собиравшего сведения о самоучках «из народа» и пр. Публикации Свинына не отличались добросовестностью, а иногда носили чисто рекламный характер. *Тюльери* — Тюильри, дворец французских королей в Париже с большим садом при нем. *С Адмиралтейство*. Фасад здания Адмиралтейства в Петербурге имеет в длину 400 м; высота здания со шпилем — 72 м. *Коломенский мясник*, *Софрон Егорович Кулик* — намек на загл. статьи Свинына в «Отечественных записках»: «Федор Алексеевич Семенов, мясник-астроном в Курске» (1822, ч. 9, с. 98). См. также басню Измайлова «Кулик-астроном» (№ 24). *Кале* — порт на севере Франции. *Э! полно, миленькой* — по словам В. П. Бурнашева, это «выражение, которое Свиныч по привычке в нецеремонном разговоре постоянно употреблял» (Касьян Касьянов (Бурнашев В. П.), Наши чудодеи. Летопись чудачеств и эксцентричностей всякого рода, СПб., 1875, с. 215).

24. Басни, 1826, ч. 1, с. 77. В рукописи (ГПБ) с подзагол. «... или Свиныя и Лисица). То же загл. указано в протоколах ВОЛСНиХ, где в 1824 г. Измайлов читал басню. *Свиныя* — намек на П. П. Свинына. *Кулик* — персонаж басни «Лгун» (см. примеч. 23), также посвященной Свиныну и «гениям-самоучкам», которых он открывал и пропагандировал. Кс. Полевой (Записки, Л., 1934, с. 89, 135) упоминает, что «куликом-самоучкой» Свинын называл его брата, Н. А. Полевого; по-видимому, подобно слову «миленькой», это также было ходовое выражение Свинына.

25. ЛГ, 1831, № 23, 21 апреля, с. 188. Измайлов пытался напечатать басню в 1824-1825 гг. в БЛ и альманахе «Мнемозина», но цензура не пропустила ее (см.: «Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX века», «Б-ка поэта» (Б. с.), 1959, с. 693). При публикации в ЛГ басня также встретила цензурные затруднения (Н. К. Замков, К истории «Литературной газеты» барона Дельвига. — РС, 1916, № 5, с. 277). Басня была отправлена Измайловым О. М. Сомову за 9 дней до смерти, при письме от 7 января 1831 г. История возникновения басни рассказана Ф. В. Булгариным («Северная пчела», 1849, № 142, 30 июня, с. 565) в рецензии на «Сочинения» Измайлова в издании А. Ф. Смирдина (СПб., 1849). Причиной ее создания была полемика вокруг литературных обзоров А. А. Бестужева (Марлинского) «Взгляд на старую и новую словесность в России» (1823) и «Взгляд на русскую словесность в течение 1823 года» (1824), к которым Измайлов отнесся крайне враждебно как к апологии принципов романтической школы. Булгарин в «Литературных листках», критическом приложении к журналу «Северный архив», защищал Бестужева. В своей заметке по поводу критических приемов Измайлова («Литературные листки», 1824, № 6, с. 237) он, в частности, процитировал стихи из басни Измайлова «Пьяница и судьба»: «С прямой дороги сбился. И где ж? У полыньи, каналья, очутился». Отсюда обыгрывание Измайловым купанья в полынье в публикуемой басне. *Брылан* — Ф. В. Булгарин, вступивший в литературную перебранку со Свиныным («большая Свиныя») в фельетоне «Свидание Зерова с самоучкою, или Разговор о всякой всячине» («Литературные листки», 1823, № 4; 1824, № 2) по поводу статей Свинына о «природных самоучках». *Пудель Брех* — Н. И. Греч. *Слон* — сам Измайлов, известный своей дородностью; некоторые современники относили стихи о Слоне к А. А. Дельвигу (см.: В. П. Гаевский, Дельвиг. — «Современник», 1854, № 1, отд. III, с. 38-39). В *родню хоть толст, Да не в родню, быть может, прост* — цитата из басни И. А. Крылова «Слон на воеводстве». Эти же строки цитировал Булгарин, полемизируя с эпиграммой Свинына «Зеров, наш журналист...» («Литературные листки», 1824, № 2, с. 56-57). *Завирашка* — Бестужев. *Кого лизать — лижи, И всюю правдою в неправдах нам служи* — выступление против журнального союза Булгарина-Греча. Сюжет «собачьей» драки был намечен уже в письме Измайлова к П. Л. Яковлеву от 29 июля 1820 г., в котором он рассказывал о стычке О. М. Сомова с Гречем в книжной лавке И. В. Сленина. Сомов возмущался появившимися в СО похвалами в адрес В. А. Жуковского: «Греч назвал его моською («Ай, моська! знать она сильна» и пр.). — «Пусть я моська, — возразил Сомов, — однако не из тех, которые лижут задницы!»» («Поэты 1820 — 1830-х годов», т. 1, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1972, с. 721).

26. НА на 1825 г., с. 145 (ц. р. 4 декабря 1824). Печ. по Басни, 1826, ч. 1, с. 83. В 1824 г. Измайлов читал басню на заседании ВОЛСНиХ. В письмах Измайлова к П. Л. Яковлеву (ПД) есть указание, что Измайлов давал эту басню А. А. Дельвигу для публикации в альманахе «Северные цветы», но тот ее по неизвестной причине не напечатал. Басня обращена к Анне Яковлевне Никольской, вдове рано скончавшегося П. А. Никольского, издателя «Пантеона русской поэзии» и друга Измайлова. Она и ее любимый черный кот неоднократно упоминаются в «домашних» стихах Измайлова первой половины 1820-х годов (по рукописям ГПБ). О ней идет речь в послании

«Я. Н. Г(оворову)»:

У Анны Яковлевны должно
За то, что нам прибавила лета,
Искусно отравить любимого кота.

О коте упоминается также в стихотворении «А. Я. Н(икольской)»:

Отыщу вам — котку отравлю!
Чрез Говорова яд чудесный я достану
И эпитафию писать коту не стану.
Быть, быть вам без кота!
Не сядет более он к вам на фортепьяна.

В рукописи ГПБ к стиху «Кто подарил его, тот с жизнью расстался» имеется стихотворное примеч.:

Оставил всё: бостон,
Христину, кур, парик;
Мир праху твоему,
Почтеннейший старик!

В шутовском стихотворении Измайлова «Послание П. А. Н(икольско-го) к А. Я.», датированном «Елисейские поля, 23 июня 1823 г.», в этом же неизвестному лицу относятся стихи:

Мне пишет Александр Ефимыч,
И, признаюсь, меня тревожит эта весть,
Что в Петербурге есть
Какой-то Александр Максимыч.
Имеет каменный большой в Коломне дом,
В котором и живет с Христиной, с петухом...
Максимыч у тебя всегда на языке.

Мурлычет и ворчит — цитата из басни И. А. Крылова «Кот и повар». *Жестокосердием превосходил судей В республиках* — напоминание о якобинском терроре во время Великой французской революции. *Ну не хочу и не хочу* — постоянная поговорка С. Д. Пономаревой (1794-1824), хозяйки литературного салона, в котором сложилось «Дружеское литературное общество» (ок. 1820 г.) куда входили ближайшие сотрудники журнала «Благонамеренный». Измайлов цитирует это выражение в альбоме Пономаревой (ЦГАЛИ). *И поминай как звали* — цитата из басни И. И. Дмитриева «Заяц и Перепелка».

27. НА на 1830 г., с. 306. На сюжет басни Лафонтена «Les deux chevres». *Направо кругом* — военная команда. *Исправник барин мой! Майор!*. . . — *И мой осьмого также класса* — военный чин майора отвечал чину штаб-лекаря. *Брамербас* — персонаж комедии «Якоб фон Тибое» датского драматурга Л.-Х. Гольберга (1684—1754); имя стало нарицательным для обозначения грубого, хвастливого солдафона.

28. СЦ на 1830 г., с. 46 (ц. р. 20 декабря 1829). Перепечатана в альманахе «Радуга», М., 1832, с. 177.

29. СЦ на 1830 г., с. 71. Перепечатана в альманахе «Радуга», М., 1832, с. 171. *К своим собакам звал соседских по билетам* — выражение «по билетам» употреблялось применительно к приходящим учителям, которые за данный урок получали квитанцию, оплачиваемую позднее. *Наружность иногда обманчива бывает* — цитата из басни И. И. Дмитриева «Нищий и собака». *Или в грязи свинья, Иль ядовитая змея* — отсылка к реплике змеи из басни Измайлова «Змея и свинья»: «Марай же и врагов своих, Коль хочешь быть страшна для них». Обе басни Измайлова продолжают полемику с П. П. Свиньиным.

30. Соч., т. 1, СПб., 1849, с. 87. Басня обыгрывает сюжет «Брито-стрижено» о ссоре мужа с женой, широко распространенный в русских пересказах фавстий.

31. Там же, с. 173. Автограф — ГПБ, под загл. «Матюшка-книгопродавец». По всей вероятности, басня направлена против Якова Васильевича Матюшина (ум. 1869), книгопродавца из Апраксина двора, где торговали подержанными книгами. Дурную репутацию Матюшина как перекупщика подтверждает отзыв А. А. Григорьева (1859 г.): «...книгопродавец Шнейдер дал мне — ни дать ни взять, как бы сделал какой-нибудь Матюшин на Шукином дворе — только двадцать талеров под вещи, стоящие вчетверо более» («Уч. зап. Тартуского ун-та», 1975, вып. 358 (XXIV), с. 344). Не исключено, однако, что речь идет о Матвее Ивановиче Заикине (1782-1854), книгопродавце и издателе. «Оракулы» — гадательные книги, наиболее известной и постоянно переиздававшейся из которых был «Древний и новый всегдашний гадательный оракул», приписывавшийся Мартыну Задеке, личности апокрифической. «Деяния Петра» — многотомный труд И. И. Голикова (1735—1801), представляющий подробный свод материалов к биографии Петра 1. *Три безжалостных сестры* — фурии (эриннии).

32. Там же, с. 187.

33. «Пантеон русской поэзии», ч. 5, кн. 9, СПб., 1814, с. 96; СО, 1814, ч. 16, с. 193. Печ. по Басни, 1826, ч. 1, с. 62. На сюжет басни Флориана «Les deux paysans et le nuage».